

Александр Володин.

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

Умер Володин

1919–2001

*Независимая газета -
2001 - 19 дек - с. 8.*

Антон Красовский

Выпили, чтоб тот,

кто уцелеет,

помнил этот день оглохший,

белый

и домой вернулся и за друга

две хороших жизни

пережил!

У него в спине была воронка.

Мелкая воронка,

но насквозь.

Тот, растроганно, подарил свою книжку с веселой глуповатой надписью.

А потом был маленький сборник рассказов и пьеса «Фабричная девчонка». И худрук Театра Пушкина Вивьен довольно потягиваясь говорил: «Эх, хорошая погодка», и Олег Ефремов шептал: «Если посадят меня – ты будешь носить передачи, если тебя – носить буду я». А потом случились «Пять вечеров», и люди узнали, что тут – на Земле – появился еще один человек, который записал эпоху, выдохнув ее из себя. Пропустив ее всю – с ее сороковыми-роковыми, и горькими пятидесятыми – через лагеря и филипповские сушки, через трофейные аккордеоны и сестрин сафьян, через Лиговку с Тверской, чтобы добраться до любви и бессмертия, до Бога и человека. И чтобы, увидев все это, не умереть от удушья, а рассказать городу и миру, что там – за пределом. Теперь этого человека нет.

Он умер в тиши и печали, как и положено подлинному летописцу – с воронкой в душе и вечностью в пальцах. Как жаль, что я его не знал. Как жаль! ■

Я не знал его. Никогда не слышал его живого голоса. Видел только мельком на каких-то приемах, да по телевизору раза два. Там он был такой: сухощавый, тяжело говорящий человек с грустными смиренными глазами. Простенький костюм, аккуратная обувь и мудрые уверенные руки, какие бывают у самых смелых, самых отчаянных людей под старость. Когда все в прошлом, но недопетая отвага течет по венам вместе с густой умирающей кровью, продираясь сквозь ноющие суставы, обтекая старый военный осколок. Тот самый, что в боях подо Ржевом воткнулся в бок, и прошел с ним через всю жизнь, через все его вечера.

Он вечно стеснялся себя. «Как ты думаешь, Шурика сможет когда-нибудь полюбить женщина?» – спросил однажды его старший брат у жены. Он случайно услышал и назло подружился с самой некрасивой, самой толстой девочкой в классе. «Эта первая любовь – самое уродливое, что было в моей жизни», – вспоминал он потом.

Неуклюжие тексты, высокопарные строки, дурацкие мысли – так он считал. Рукописи рвал нещадно, стихов никому не читал. Каким-то чудом, собрав в комок все мужество, отправился из госпиталя к Антокольскому и прочитал ему что-то прямо из окопа.